

Б. Косанович

Тема самозванства у А.С. Пушкина и П.П. Негоша

Посвящается Татьяне Протогеновне Поповой,
первому выпускнику славянского отделения
филологического факультета МГУ,

Б. Косанович,
первый выпускник Татьяны Протогеновны Поповой
на кафедре славистики в Новом Саде

Аннотация: Статья является частью авторского исследования о восприятии творчества Пушкина в Сербии, результатом которого стала подготовленная к печати книга «Наш – сербский Пушкин». Предпринято сопоставительное изучение исторических драм классиков национальных литератур: Пушкина – «Борис Годунов» (1831) и Негоша – «Самозванец Щепан Малый» (1847).

Ключевые слова: А.С. Пушкин, П.П. Негош, самозванство, узурпация власти

Резюме: Овај рад је део обимног ауторовог истраживања о рецепцији Пушкина у Србији и Црној Гори. У датом тексту компаративно посматрамо однос Пушкина и Његоша према узурпаторству власти. У центру анализе су историјске драме *Борис Годунов* (1831) и *Лажни цар Шћепан Мали* (1847).

Abstract: The article is the part of the research how the works of Pushkin were interpreted at Serbia. The result was the book, that had prepared for publishing, «Our – Serbian Pushkin». The subject of the comparative studying were the historical drams of the two greate national writers: Pushkin – «Boris Godunov» (1831) and Negosh – «Szczepan Little the impostor» (1847).

Key words: A.S. Pushkin, P.P. Negosh, the imposture, usurpation of power

Предпринятое исследование опирается на подход к изучению поэтов Петра II Петровича Негоша и Александра Сергеевича Пушкина с точки зрения сравнительной методологии. Поэтому мы считаем уместным в самом начале коротко очертить основные его предпосылки.

Оба поэта были в 2013 г. юбилярами. Негош родился в 1813 году, умер в 1851. Пушкин – вечный юбиляр русской литературы и культуры в целом. Речь идет о двух ведущих национальных поэтах, независимо от величины

географического и культурного пространства, в котором они родились и творили. Оба они «поэты Божьей милостью».

Пользуясь аксиологическими критериями, Негоша принято считать величайшим не только сербским и черногорским поэтом, но и литературы Балкан Нового времени. С другой стороны, Пушкин является самым выдающимся поэтом России и всего славянства.

Пушкин и Негош были современниками, но они при жизни не встречались, между ними не было никакой, что называется, прямой коммуникации. А возможности для этого были. Черногорский владыка и поэт, правитель маленького государства дважды посещал Россию: впервые 1833 г. и во второй раз в 1837 г., сразу после пушкинской дуэли, когда Негош был вынужден задержаться в Пскове.

Бросается в глаза, что оба поэта прожили короткую (около 38 лет), но чрезвычайно плодотворную жизнь. Правда, негошевский опус меньше пушкинского, ибо, благодаря стечению обстоятельств и исторической необходимости, Негош соединил в себе правителя-теократа (митрополита и политического вождя), мыслителя (философа) и просветителя.

И Негош и Пушкин, каждый по-своему, воспевали Свободу и Честь в их категориальном значении. Сближает их еще один жизненный факт: оба они пережили судьбоносные встречи с царем Николаем I и находились под пристальным вниманием российских властей.

Следует отметить еще один биографический факт. Негош был моложе Пушкина, и русский поэт для него был литературным кумиром. На стене своей резиденции в Цетине, рядом с иконой святого покровителя семьи Св. Георгия, Негош повесил портрет Пушкина. Свой сборник «Зеркало сербское» он посвятил «счастливому певцу великого народа», написав одическое стихотворение «Тени Александра Пушкина». С другой стороны, Пушкину была известная героическая история Черногории. Свидетельством того является популярное стихотворение «Бонапарт и черногорцы» («Черногорцы? что такое?..»). По некоторым сведениям, во время своего пребывания в Бессарабии, встречаясь с сербскими повстанцами-беженцами, Пушкин любил наряжаться в сербские и черногорские национальные костюмы. Все эти факты, думается, небезынтересны. Но для нашей темы в первую очередь важны аналогии, касающиеся имплицитной поэтики, содержащейся в пушкинской трагедии «Борис Годунов» и в негошевской дилогии – драматических поэмах «Горный венец» и «Самозванец Степан Малый».

Итак, предметом нашего особого внимания будут драмы: пушкинская «Борис Годунов» (написанная в 1825 г., опубликованная в 1831) и негошевская «Самозванец Степан Малый» (*Лажни цар Шћепан Мали*, написанная в 1847 г., опубликованная впервые в 1850 г.). В обеих нас интересует их основная тема – узурпация власти, так называемое самозванство (кстати сказать – парадигма, которая в последнее время актуализируется во многих странах мира).

Архетип самозванца – узурпатора трона присутствует во многих произведениях авантюрного (приключенческого) жанра, начиная с эпохи Просвещения XVII–XVIII вв. Колоритная фигура московского самозванца Григория Отрепьева, объявившего себя сыном Ивана Грозного и воспользовавшегося помощью польского короля и казаков, чтобы с 1605 по 1606 г. занимать престол в Кремле, привлекла ряд крупнейших писателей, таких как испанец Лопе де Вега, автор первой пьесы о Лжедмитрии («Великий герцог московский», 1617). По его следам шел его земляк Кальдерон де ла Барка, написавший барочную пьесу «Жизнь есть сон» (1632), где выведен образ узурпатора-самозванца. Фридрих Шиллер в последний год своей жизни (1805) также работал над трагедией «Дмитрий». Само собой разумеется, этот образ засвидетельствовал свою типологическую повторяемость и в русской литературе – до и после Пушкина. Например, в произведениях А.П. Сумарокова (стихотворная трагедия «Дмитрий Самозванец», 1771), В.Т. Нарезного (классицистическая трагедия «Дмитрий Самозванец», 1804), А.С. Хомякова (стихотворная драма «Дмитрий Самозванец», 1833), А.Н. Островского («Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», 1867), А.К. Толстого (третья часть трилогии исторических трагедий под заглавием «Царь Борис», 1870).

История создания трагедии «Борис Годунов» широко известна. Она писалась в период, когда Пушкин особенно живо интересовался русской стариной. Исторический сюжет заимствован у Карамзина, из его «Истории государства Российского», хотя в пьесе отразилось и знание поэтом старинных русских летописей. С художественной точки зрения знаменательно, что именно в середине 1820-х гг. Байрон уже не был кумиром Пушкина, в то время он сильно заинтересовался романами Вальтера Скотта и – в большей степени – пьесами Шекспира.

Трагедия «Борис Годунов» насчитывает 60 действующих лиц из различных слоев тогдашнего общества. Вопреки заглавию, можно сказать, что в этой трагедии нет главного героя. Среди персонажей выделяются Борис (появляется в шести сценах), самозванец Дмитрий (в восьми сценах), *народ* – как коллективный герой и отдельные лица из народа, летописец Пимен, олицетворяющий русскую историко-культурную совесть, Марина Мнишек – властолюбивая невеста Лжедмитрия и др.

Негошевская драматическая поэма «Самозванец Степан Малый» также написана свободным стихом, и ее канва держится на эксплицитном историческом документализме. Об этом красноречиво свидетельствуют подзаголовки «Историческое событие XVIII века» и указание в предисловии на использованные источники – известия посланников в Венеции и Скадаре и народное предание. Главный герой – подлинное историческое лицо, появившееся в Черногории в 1767 г. и ложно представляющееся чудом спасшимся внуком Петра Великого – Петром III. Интересно, что до сих пор является загадкой, кем он был на самом деле. Исследовав этот вопрос по самым надежным документам того времени – Актам венецианского архива (которые, кста-

ти, были известны, но гораздо в меньшей степени, Негошу), русский филолог Викентий Макушев писал:

«Степан Малый был загадочным лицом для современников (в венецианских архивах он называется не иначе как *Persona Ignota, Un ignoto farastiere...*). Ни испытанные венецианские шпионы, ни хитрый бан константинопольский, ни самый даже Совет десяти с его инквизиторами, ни друзья и доверенные самозванца не могли проникнуть в тайну его происхождения» [Макушев 1869: 10].

Как бы то ни было, самозванцу удалось добиться доверия черногорского народа, глубоко верившего в Россию и во все, что с ней связано. Степану Малому удалось пробыть на престоле вплоть до 1773 г., когда его вероломно лишили жизни турки. Аналогия: в том же году Емельян Пугачев, выдавая себя за царя Петра III, поднял крестьянское восстание в России.

Характеризуя узурпатора как «демонического шута», сербский негошевед Мило Ломпар считает, что именно «ложность царя основана на его странности» [Ломпар 2007: 297; 260].

Драматическая поэма Негоша насыщена многочисленными действующими лицами (в списке приведены основных 33 героя). Она преимущественно выдержана в форме диалога. Произведение, как и пушкинское, в большей степени рассчитано на чтение, чем на сценическое исполнение в строго театральном смысле. По своей структуре эта драма состоит из пяти действий, внутри которых содержатся сцены-«явления» (в первом акте – 10, во втором – 11, в третьем – 13, в четвертом – 11, в пятом – 9). Негошу удалось передать общую атмосферу черногорской смуты, как своеобразной «балканской модели мира» (по терминологии Цивьян, см. [Цивьян 1990]). Негошевский самозванец есть своего рода *homo ludens*. Его поступки являются своеобразной художественной игрой, игрой с судьбой, но и игрой-обманом. Носитель центрального действия, хотя и является мошенником, лжецом, обманщиком, показан неоднозначно. Он, наподобие пушкинского Бориса, в меньшей степени Лжедмитрия, двойственен. Степан Малый хорошо играет свою роль, обладает способностями приобрести доверие народа, объединить поссорившиеся племена, установить законодательную власть, искоренить грабеж, кровную месть, открыть школу и т. п.

Чтобы подкрепить наши наблюдения, сошлемся на некоторые выдержки из негошевского текста в переводе на русский В. Корнилова.

Итак, *действие первое*. Его *первое явление* начинается авторской ремаркой: «В апреле 1767 года, главы племен в сопровождении народа приводят в Цетине Степана...». Поверив словам свидетелей, что совершилось чудо и среди них нашел убежище «русский царь», «наш православный», *народ (хором)* восклицает:

Царь он, царь, мы сами увидели.
Идите, главари всего народа,

к царю и к нам его приведите!
Народ желает сам его видеть,
Поприветствовать и поклониться.

Конечно, здесь *народ* (у Негоша этот коллективный образ называется также *коло*, что буквально значит хоровод) выполняет функцию античного хора. В *четвертом явлении первого действия* Степан впервые обращается народу словами:

Приветствую тебя, народ-витязь,
гордость всего рода славянского,
зерцало невиданных подвигов,
искру, веками очищенную,
мученика и жертву вольности,
за честь гонимого тиранами.

Этот монолог кончается словами:

Я исполню все обещания,
что тебе мой предок православный¹
торжественно дал за твой труд ратный,
чтоб твоя благородная жертва
не осталась без щедрой награды.

Далее, в ремарке: «плачет, и с ним плачет и народ». А потом *весь народ* дает клятву:

Раз в цари мы берем человека
языка нашего, нашей крови.
За тебя свои жизни положим,
твое слово станет нам законом,
мы делом свою любовь докажем
к нашей названной сестре России.

Таким образом, на своеобразной народной сценической площадке происходит театрализация черногорской жизни того времени. Как тут не вспомнить крылатые пушкинские слова о том, что драма родилась на площади.

Прием карнавализации отразился в изображении черногорского патриархального коллектива (народ, собрание, коло как «публичное судилище»).

В то время как у Пушкина народ изображен как пассивная, бездействующая сила, не принимающая прямого участия в событиях (он судит, наблюдая, и зловеще молчит), народ у Негоша – действующая, активная сила, свято помнящая и придерживавшаяся своей светлой военной традиции. У Негоша особенно подчеркнута историческая коллективная память. Назвав Негоша «трагическим героем косовской мысли», Иво Андрич авторитетно утверждает, что «ее дыхание» обнаруживается не только в ткани «Горного венца» но и «Ложного царя Степана Малого» [Андрић 1935: 358–359].

---

¹ Имеется в виду Петр Великий, по замечанию самого Негоша. – Б.К.

Близок пушкинскому Пимену негошевский игумен Феодосий, но в отличие от Пимена, который непричастен к самозванству, потому что ушел от суеты мира сего в творчество, Феодосий является рупором авторского миро-воззрения, идей, его жизненной позиции.

Очень характерно, что в завязке у Негоша нет дифференцированного женского героя. Автор, видимо, исходил из тогда бесспорных устоев черногорской патриархальности, хранившей и поддерживающей дух андократии (господства мужчин).

Культурологи справедливо утверждают, что сакрализация царя является некоей доминантой русской государственности [Живов, Успенский 1994]. Однако, у Негоша речь идет о десакрализации «детронизованного царя». Лучше всего это отразилось в словах владыки Саввы: «Царь без царства – есть позор ли горше?»

Подведем итог: первый русский и первый сербско-черногорский поэты сублимировали свое видение драматических смутных эпох своих народов. Их произведения, проанализированные нами, можно определить как историко-событийные драмы. У обоих писателей чувствуется сугубо отрицательное отношение к узурпаторам власти. Эти произведения интересны и с точки зрения поисков их путей к реализму.

Литература

Андрић И. Његош као трагични јунак косовске мисли // Српски књижевни гласник. Београд, 1935. Бр. 5.

Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог. М., 1994.

Косановић Б. Славистичке компаративне теме. Нови Сад. Old comtrecse, 2005.

Лимпар М. О демонству лакрдијаша // Његош П.П. Лажни цар Шћепан Мали. Подгорица: ЦАНУ, 2007.

Макушев В. Самозванец Степан Малый // Русский вестник. 1869. Т. 82. №7.

Његош П. Целокупна дела, књ. IV. Шћепан Мали. Београд, 1981.

Пушкин А.С. Сочинения. Т. 2. М., 1955.

Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990.

Сведения об авторе:

Богдан Косанович,

докт. филол. наук

профессор

преподаватель русской литературы и культуры

в Новисадском университете (Сербия)

и Никшиче (Черногория),

Заслуженный профессор Новисадского университета,
переводчик,
член Союза писателей
(Нови Сад, Сербия)

Bogdan Kosanovich,
PH. D
Professor
Teacher of Russian literature and culture
University Novi Sad (Serbia),
Niksic (Montenegro),
Professor Emeritus of the University of Novi Sad,
Translator,
Member of writers' Union
(Novi Sad, Serbia)